

И. А. Виноградов

Значение Рима в наследии Гоголя

Первым «камнем преткновения и скалою соблазна» при изучении жизни Гоголя в Италии является вопрос о так называемых «католических симпатиях» писателя. Детальное исследование, однако, показывает, что Рим привлекал Гоголя главным образом как художника и историка – как город, полный христианских святынь; вероисповедные убеждения оставались при этом неизменными¹.

Потому и я люблю Рим, – говорит св. Иоанн Златоуст, – <...> что Павел при жизни своей писал к римлянам, весьма любил их, беседовал с ними лично и жизнь свою кончил в Риме. И город Рим этим знаменит более, чем всем прочим².

Даже современный Гоголю Рим, среди всех тогдашних европейских столиц, был, по свидетельству многих очевидцев, прежде всего городом прошлого, городом «беспреестанно убывающим, разрушающимся, покидаемым, пустеющим»³, – при этом исполненным старых благочестивых обычаев и добрых патриархальных нравов, вскоре по приезде напомнившим писателю родную Малороссию.

По поводу пресловутых «католических симпатий» Гоголя следует заметить, что к моменту приезда в Рим он уже вполне сложившийся писатель, на счёт которого и «Вечера на хуторе близ Диканьки», и «Миргород»,

¹ Библиографию по этому вопросу см.: [Виноградов, 2009: 442–452].

² Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского, Избранные творения. Беседы на Послание к Римлянам. <М.>, 1994. С. 856.

³ Волков М. С. Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857. С. 129.

«Арабески», «Ревизор», в том числе одно из важнейших произведений – знаменитая «противокатолическая» повесть «Тарас Бульба» (1835). Последующее многолетнее пребывание Гоголя в Италии не поколебало его взглядов. Именно в Риме, средоточии папской власти, писатель, кроме первого тома «Мёртвых душ», работает, в частности, над драмой из эпохи Богдана Хмельницкого. Актёр М. С. Щепкин, со слов самого Гоголя, называл эту пьесу «драмой за выбритый ус в роде "Тараса Бульбы"» [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 48]. В 1842 году, по возвращении из Рима, Гоголь напечатал вторую, вдвое расширенную редакцию своей казацкой эпопеи, созданную за основе незавершённой драмы.

Продолжением другой темы, также получившей воплощение в творчестве Гоголя ещё до Италии, является написанное в Риме произведение с одноимённым названием. Повесть «Рим» являет собой очевидное развитие гоголевской «петербургской» темы. Место европейски «просвещённого» Петербурга, разоблачению «европейской» сущности которого Гоголь посвятил ранее свои четыре «петербургские» повести («Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Нос»), занимает в новом произведении цивилизованный Париж – тогдашний мировой центр, которому отрицательные черты северной российской столицы составляют в культурно-исторической концепции Гоголя лишь бледное подобие. Именно кипучая деятельность Парижа является, согласно наблюдениям Гоголя, прямой противоположностью патриархальной жизни Рима – города, сохранившего свой почти средневековый облик вплоть до XIX века. Эту культурно-историческую концепцию Гоголь непосредственно воплотил в повести «Рим». Противостоянием католической консервативной средневековой Италии протестантскому торгово-промышленному европейскому Северу [Виноградов, 2010: 120–127] и объясняются, по сути, все так называемые «католические», на деле – псевдо-католические «симпатии» Гоголя. Писатель, не переставая быть православным художником, оценивает достоинства одной культуры и недостатки другой. Очевидно, он остаётся «и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии» [«Несколько слов о Пушкине»; VIII: 51].

Ещё одной из важных проблем в изучении наследия писателя, связанных с его длительным пребыванием в Италии, является вопрос о возможном отражении в замысле «Мёртвых душ» содержания «Божественной комедии» Данте. Бытует мнение, что в основу трехчастной композиции гоголевской поэмы будто бы положено деление «Божественной комедии» на «ад», «чистилище» и «рай». Излишне пояснять, какое значение имеет эта параллель для представления об исторической России, если в таком контексте изображённая в первом томе поэмы действительность соотносится прямо с «адам».

«Первооткрывателем» этой темы был князь П. А. Вяземский. Начало предвзятому взгляду на первый том «Мёртвых душ» как «ад» он положил

в 1847 году в статье, посвящённой выходу в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». Вяземский писал:

<...> в *Мёртвых Душах* казалось ему <Гоголю> очень естественно сложить в одну часть всю домашнюю черноту человека, весь хлам и нечистоту общества, предоставляя себе в последующих частях ввести читателя в светлые и праздничные покои. Подобное распределение грешит и против художественности и против нравственной истины. <...> Как общество, так и человек образуются из составных частей. Наш свет не рай, но и не ад¹.

Приписав, таким образом, Гоголю своё понимание первого тома «Мёртвых душ» как «ада», Вяземский тут же – за своё личное допущение – осудил писателя. Неудивительно, что статью Вяземского Гоголь вскоре по её публикации не одобрил (см.: [XIII: 321–323]). Сам Вяземский свидетельствовал:

Помнится мне, статья моя о Гоголе никому не нравилась, начиная с него самого [Гоголь в воспоминаниях... 2011, I: 843].

Тем не менее спустя полтора десятка лет после кончины Гоголя, в 1866 году, Вяземский вновь заявлял:

О попытках его, оставленных им в недоконченных посмертных главах романа <поэмы «Мёртвые души»>, положительно судить нельзя; но едва ли успел бы он без крутого поворота и последовательно выйти на светлую дорогу и, подобно Данту, довершить свою *Divina Comedia* Чистилищем и Раем².

Спустя ещё несколько лет, в начале 1870-х годов, утверждение Вяземского о том, что первый том поэмы был будто бы задуман Гоголем по аналогии с дантовским «адам», было поддержано Ф. В. Чижовым – в письме к тому же Вяземскому (очевидно, Чижов был знаком с его мнением):

В задуманных «Мёртвых Душах» была поэма в трёх томах: *l'inferno* <ад; *ит.*>, то есть пошлость нашей современной жизни; *il purgatorio* <чистилище; *ит.*> – нормальная жизнь настоящего общества, несколько не знакомая и никогда не бывшая доступной таланту Гоголя; наконец *il paradiso* <рай; *ит.*> – это идеал современного человека, человека русского [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 67].

Соотнесение князем Вяземским «Мёртвых душ» с «Адам» Данте (письмо Чижова до начала XXI века оставалось неопубликованным) было подхвачено в 1894 году (со ссылкой на Вяземского) критиком Алексеем Ник. Веселовским, представителем так называемой «теории заимствования»:

¹ Вяземский П. А., князь. Языков. – Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 25 апр. № 91. С. 422.

² Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива. Письма к кн. П. А. Вяземскому... с объяснениями кн. П. А. Вяземского // Русский Архив. 1866. № 7. Стб. 1082.

<...> читателю ясно, что для романиста изображаемый им мир чудиков и уродов давно стал синонимом тьмы кромешной, где не осталось места ни одному честному влечению. Однажды сам автор наводит на сравнение с дантовым Адом, называя путеводителя, провожавшего Чичикова с его друзьями по гражданской палате до залы «присутствия», новым *Виргилием*, «прислужившимся им, как некогда *Виргилий* прислужился Данту». Но палата, да и весь старый суд были только одним из подразделений или адских рвов (*malebolge*) огромного тёмного царства <...> [Веселовский, 1894: 595].

Во втором издании своей книги 1903 года Веселовский добавлял:

Мысль о возможности сравнить план обоих произведений высказана вскользь *князем* П. А. Вяземским в заметке, приложенной к одному письму Гоголя, Русский Архив, 1866, VII [Веселовский, 1903: 596].

Таким образом, «высказанному вскользь» суждению Вяземского о «возможности» сравнить план «Мёртвых душ» и «Божественной комедии», Веселовский попытался найти обоснование в тексте самой поэмы. Однако вполне очевидно, что если гражданская палата, согласно представлениям Гоголя о чиновниках-взяточниках, действительно может быть уподоблена дантовому «аду», то распространять этот образ на всю Россию, под видом якобы «культурных» влияний, неправомерно. Никаких доказательств в подтверждение своего вывода о гоголевских «чудаках и уродах» как «синониме тьмы кромешной» Веселовский в тексте гоголевской поэмы не нашёл. Несмотря на это, недоказанная гипотеза учёного получила впоследствии широкое хождение и стала удобной идеологической «аксиомой» при истолковании «Мёртвых душ» в марксистской критике. «Третья часть должна была относиться к первой, как рай относится к аду», – писал один из тогдашних критиков¹. «Гоголь предполагал свою поэму написать в трёх книгах (по образцу "Божественной комедии" Данте – ад, чистилище, рай), но уже работа над вторым томом показала всю *безуспешность* осуществления этого замысла», – рассуждал о гоголевской поэме другой советский литературовед [Бабушкин, 1952: 27]. В марксистской и постмарксистской критике сравнение «Мёртвых душ» с «Божественной комедией» отнюдь не преследовало цель поставить Гоголя в один ряд с Данте. Намерения в этом случае были вполне спекулятивные. «Требовалось доказать», что первый том «Мёртвых душ», в соответствии с дантовским трехчастным делением «Божественной комедии», – это ад, как адом является вся изображённая Гоголем российская действительность. Под видом изучения культурного наследия внедрялась жёсткая идеологическая доктрина.

Ни биография, ни творчество Гоголя не дают никаких оснований полагать, что из Италии, из итальянской литературы и культуры, писатель почерпнул негативное отношение к России как «аду» – месту, противопо-

¹ С. Р. Н. В. Гоголь (1809–1852) // Смена. 1927. 6 марта. № 54. С. 3.

ложному римскому «раю» (ср. название одной из современных монографий о Гоголе: «Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай»). В отличие от этих гадательных предположений, важнейшим итогом римского влияния является принципиально иное убеждение писателя. Долгое пребывание Гоголя в «ветхом Риме» способствовало постижению им традиционной формулы русской государственности – представления о Москве как «Третьем Риме» [Виноградов, 2000: 117–155].

На первых порах пребывания в Риме Гоголь, по-видимому, попросту разделял широко распространённое в стенах петербургской Академии художеств (которую посещал) представление о Риме как «родине художников». Такие воззрения были свойственны, в частности, тому же Вяземскому, настаивавшему впоследствии на «дантовской» композиции «Мёртвых душ». Именно Вяземский напутствовал Гоголя в 1836 году на кронштадтском причале, при отправлении писателя из России в Италию. При прощании Вяземский говорил Гоголю о Риме как «общей родине для всех, у кого есть душа, воображение и потребность внутренней жизни» [Гоголь в воспоминаниях... 2011, I: 843–844]. Сходные выражения неоднократно употреблял позднее Гоголь в своих письмах из Италии (прямо вспоминая о Вяземском) (см.: [XI: 109, 111, 114–115, 141]).

Со временем, однако, восторженные отзывы Гоголя о Риме сменяются другими. Место Рима в них постепенно всё более занимает Москва. Уже в 1840 году он писал в Москву М. П. Погодину:

Теперь не могу глядеть я ни на Колизей, ни на бессмертный купол <...> глаза мои видят другое, мысль моя развлечена. Она с вами [XI: 317].

Спустя несколько месяцев Гоголь сообщал из Рима С. Т. Аксакову:

Теперь я ваш; Москва моя родина [XI: 331].

В письме к А. С. Данилевскому от 7 августа (н. ст.) 1841 года Гоголь отказывается рассказывать другу что-либо о «римских происшествиях»:

Всё, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня <...> пребывает вечен. И как путешественник, который уложил уже все свои вещи в чемодан <...> так я, перетерпев урочное время своих испытаний, <...> готов идти укреплённый и мыслью, и духом. <...> В Москву надеюсь быть к зиме [XI: 343].

28 февраля (н. ст.) 1843 года Гоголь писал также из Рима С. П. Шевыреву:

<...> сказать правду, для меня давно уже мертво всё, что окружает меня здесь, и глаза мои всё чаще смотрят только в Россию и нет меры любви моей к ней <...> [XII: 148].

Сам по себе итог, который вынес Гоголь от изучения западной жизни во время своего долгого пребывания за границей, свидетельствует о глубине его религиозно-патриотических взглядов. В противном случае

результат мог быть скорее обратным. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в 1859 году в одном из своих писем замечал:

Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которые они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое!¹

В 1846 году, приглашая из-за границы в Москву на жительство В. А. Жуковского, Гоголь писал:

В Москву ты приедешь, как в родную свою семью. Она предстанет тебе желанной пристанью <...> [VIII: 283].

В том же году он обращался к Виельгорским, трём графиням – Луизе Карловне, Анне Михайловне и Софье Михайловне (Соллогуб, рожд. Виельгорской):

Молитесь Богу, мои прекрасные графини, чтобы <...> мы встретились с вами в России, <...> и не было бы на моей совести ничего такого, что бы стало меня укорять, что я ни за что получил такую награду, как встреча с моими друзьями, и притом в таком *раю*, каким для меня кажется теперь наша требующая любви нашей Россия (курсив наш. – И. В.) [XIII: 51].

Вернувшись в 1848 году, после паломничества во Святую Землю, в Россию, Гоголь поселяется на жительство в Москве. Вспоминая Рим и его памятники, он пишет в пасхальном поздравлении 1849 года художнику А. А. Иванову:

Пора вам в Москву. Здесь так много открывается древностей и преимущественно по вашей части, что вы не обсмотрите и в целые годы [XIV: 119].

Графине А. М. Виельгорской Гоголь в то же время сообщал:

Когда вы будете в Москве и взглянете на все её святыни и увидите в старинных церквях её останки древнерусской жизни, – вы тогда поймёте всё <...> Вы любите рисовать... <...> В Москве будет вам много пищи. В древней иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительные лики <...> [XIV: 120].

Спустя ещё полтора года, 15 сентября 1850 года, Гоголь пишет А. С. Стурдзе из Васильевки:

Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то ещё выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к *родине небесной* (курсив наш. – И. В.) [XIV: 203–204].

¹ Игнатий Брянчанинов, святитель. Письма. М., 1993. Т. 7. С. 368.

По-видимому, в эти годы Гоголя всё более занимает мысль о Москве как «Третьем Риме». В 1851 году, 22 августа, в день празднования двадцатипятилетия царствования императора Николая I, Гоголь присутствовал вместе с другими гостями – В. И. Назимовым, М. П. Погодиным, И. М. Снегирёвым и др. – на бельведере дома Пашкова в Москве, откуда смотрел на празднично освещённую столицу. П. Д. Шестаков, учитель 4-й Московской гимназии, которая помещалась тогда в доме Пашкова, позднее вспоминал:

Помню, как он, долго любуясь на расстилавшуюся под его ногами грандиозно освещённую нашу матушку Москву, задумчиво произнёс: «Как это зрелище напоминает мне вечный город» [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 815].

Сочинения инока Псковской Елизарьевской пустыни старца Филофея (XVI век) – первого выразителя представлений о Москве как наследнице «Ветхого Рима» – появились в печати лишь в конце 1850-х – начале 1860-х годов. Однако во времена Гоголя уже существовали печатные источники, откуда и тогда можно было почерпнуть идею о русском государстве – «Третьем Риме». В частности, это выражение можно найти в «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» (М., 1813–1822. Ч. 1–3). С этим изданием Гоголь познакомился ещё в первой половине 1830-х годов (в 1835 году он сделал отсюда две выписки: [Гоголь, 2009, VIII: 71–72, 629–630].)

В опубликованной в «Собрании...» Уложенной грамоте Московского Освящённого Собора 1589 года, об учреждении в России Патриаршества, приводится речь Константинопольского Патриарха Иеремии II, который подтвердил и благословил идею Российского Царства как Третьего Рима. В устах Вселенского Патриарха это благословение – обращённое к русскому царю Феодору Иоанновичу – звучит особенно внушительно:

<...> ветхий Рим падеся Аполинариевою ересью; вторый же Рим, иже есть Константинополь, Агарянскими внуцы, от безбожных турок, обладаем; твое же, о благочестивый Царю, великое Россииское Царствие, третей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая Царствие в твое в едино собрася, и ты един под небесем Христьянскии Царь именуеши в всеи вселенней, во всех христианех¹.

Если знакомство Гоголя с Ставленнической грамотой русского Патриарха по «Собранию государственных грамот и договоров...» можно признать лишь вероятным, то, несомненно, текст этого памятника должен был обратить на себя внимание Гоголя в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, где грамота цитировалась в русском переводе. Труд Карамзина Гоголь читал ещё в 1820-х годах, будучи в стенах Нежинской

¹ Грамота уложенная об учреждении в России Патриаршества // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 97.

гимназии высших наук; позднее карамзинская «История...» стала предметом его тщательного изучения в период преподавательской деятельности в Петербурге в первой половине 1830-х годов [Виноградов, 1997: 123–139].

Карамзин следующим образом пересказывал деяния Московского Освящённого Собора 1589 года:

Чтобы утвердить достоинство и права Российского Священноначалия, написали уставную грамоту (см. в *Собр<ании> Госуд<арственных> Грамот*, II, 95), изъясняя в ней, что *Ветхий Рим* пал от ереси *Аполлинариевой*; что *Новый Рим*, Константинополь, обладаем безбожными племенами Агарянскими; что *третий Рим* есть Москва <...>¹.

Ещё одно упоминание о Москве – «Третьем Риме» – находится у Карамзина в двенадцатой главе второго тома «Истории...»².

По мнению Карамзина, избрание первого русского Патриарха – им стал святитель Иов³ – было следствием честолюбивых исканий Бориса Годунова. Однако если Карамзин, отрицательно относившийся к учреждению на Руси Патриаршества («вредного», по его мнению, «для единовластия Государей»⁴), столь же негативно оценивал личность Бориса Годунова, то Гоголь, напротив, ставил деятельность последнего весьма высоко:

Сколько блага, сколько пользы, сколько счастья миру – и никто не понимал его <...> («Борис Годунов. Поэма Пушкина», 1830–1831) [VIII: 152].

Последние две зимы за границей, 1846/47 и 1847/48 годов, Гоголь провёл уже не в Риме, а в Неаполе, который называл «прекрасным перепутьем» на пути в Иерусалим [XIII: 143, 146]. Из Неаполя он писал Жуковскому:

Во всё время прежнего пребывания моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нём меня не заняло <...> Я проехал его так, как проезжал дорожную станцию; обонянье моё не почувствовало даже того сладкого воздуха, которым я так приятно был встречаем всякий раз по моём въезде в него; напротив, нервы мои услышали прикосновение холода и сырости. Но как только приехал я в Неаполь, всё тело моё почувствовало желанную теплоту <...> [XIII: 143].

К тому времени древний Рим, по-видимому, уже перестал «согревать» Гоголя.

¹ <Карамзин Н. М.> История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. С. 121–122; Примечания к X тому «Истории государства Российского». С. 71.

² См.: <Карамзин Н. М.> История государства Российского. СПб., 1818. Т. 2. С. 217.

³ Память святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси, совершается в году трижды, 5 апреля, 19 июня и 5 октября ст. ст.

⁴ <Карамзин Н. М.> История государства Российского. Т. 10. С. 124.

Надо сказать, что ещё в 1839 году Гоголь объяснял М. П. Балабиной своё пребывание в Риме именно необходимостью для «старика» – «очутившегося» таковым «в лета, ещё принадлежащие юности», – найти «в замену <...> фонтана поэзии, который он носил в себе на севере и который иссох», «поэзию не в себе, а вокруг себя» – в южных «небесах, солнце, в прозрачном воздухе и во всём» [XI: 245]. «Соперником» в этом Италии и Риму была для Гоголя только дорога – «даже в Камчатку» [XI: 315]. В. А. Панов 21 ноября (н. ст.) 1840 года писал о Гоголе С. Т. Аксакову:

Теперь он тешит себя другою мыслию: он убеждён, что для поправления своего здоровья, ему необходимо сделать огромное путешествие, жалеет, что слишком скоро приехал в Рим, и хотел бы, чтоб его теперь курьером отправили в Камчатку, разумеется, с возвратом [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 161].

Однако после того как бывшая «святыня» Рим вдруг предстал Гоголю обычной «дорожной станцией», даже чрезвычайно ценимый ранее римский климат (несмотря на ежегодно повторяющуюся холеру) уступил первенство более «тёплому» Неаполю.

Кстати, в этом отношении очень схожее, почти «гоголевское» восприятие Рима и Неаполя – а также похожий «взгляд из Рима» на Сибирь, можно встретить в малоизвестных письмах Екатерины Александровны Хитрово, познакомившейся с Гоголем в Риме в 1845 году (Письма Хитрово были опубликованы ещё в 1864 году, однако остались невостребованными, так что сам факт её знакомства с Гоголем в Риме до сих пор известен не был. В биографических работах о Гоголе Хитрово до последнего времени была известна лишь как автор дневника, в котором она подробно записывала все факты своего общения с Гоголем в Одессе зимой 1850/51 года; см.: [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 740–759].)

17 января (н. ст.) 1846 года Хитрово сообщала своей сводной сестре из Рима:

Я познакомилась с Гоголем <...> Он не только умен, но и нравственен чрезвычайно. Всякое слово его пробуждает доброе чувство в душе¹.

Спустя два месяца Хитрово писала названной сестре из Неаполя:

Как жаль мне Рима! Здесь природа и климат лучше, и Везувий и море есть; но там что-то таинственное и глубокое теснится в душу, и придаёт ей крылья. Здесь всё говорит: ешь, пей и веселись; а там всё напоминает о другой цели возвышенной, к которой надобно идти узкими вратами².

В том же году, незадолго до возвращения в Россию, Хитрово писала сестре из Венеции:

¹ Неводчиков Н., *священник*. Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1864. № 3. С. 122–123.

² Там же. С. 123, 124.

Да, я скоро возвращусь, и очень радуюсь этому. А хороши здесь небеса и виды, и весело скользить в гондоле. Как-то легко чувствуется, но не глубоко, – и я, на всё это смотря, вздыхаю о пустой, суровой земле, как Сибирь, в которую, если б была возможность, уехала б, кажется, при какой-нибудь миссии <...>¹.

Во второй половине 1840-х годов «вечный город» Рим, как и более «тёплый» Неаполь, окончательно перестали «околдовывать» Гоголя. В 1851 году в Одессе, как бы вспоминая строки своего давнего нежинского стихотворения о «роскошной стране» Италии, а возможно, имея в виду и беседы с Хитрово в Риме в 1845–1846 годах, Гоголь говорил ей же по поводу одной из журнальных статей о Неаполе²:

И зачем так восхищаться?! Только поселят желания, которые волнуют! Те же самые потом поедут и, не найдя, чего ожидали, бранят Италию [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 749].

В 1848 году Гоголь отправился из Неаполя к Святым местам, после чего вернулся в Россию и окончил свои дни в Москве – «Третьем Риме», земле, откуда, по его словам, «ближе к родине небесной».

Литература

Бабушкин Н. Ф. Н. В. Гоголь – великий русский писатель-патриот. Томск, 1952.
Веселовский Ал. Этюды и характеристики. М., 1894.

Веселовский Алексей. Этюды и характеристики. Второе, значительно доп. изд. М., 1903.

Виноградов И. Н. В. Гоголь – читатель «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. К постановке проблемы // *Dissertationes Slavicae. Slavistische Mitteilungen. Материалы и сообщения по славяноведению. Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jyzsef Nominata. Sectio Historiae Litterarum. XXII. Szeged, 1997. С. 123–139.*

Виноградов И. А. Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. М., 2000. С. 117–155.

Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 387–656.

Виноградов И. А. Гоголь – историк и наблюдатель быта (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М., 2010. С. 120–127.

¹ *Неводчиков Н., священник.* Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1864. № 3. С. 125.

² Гоголь имел в виду статью педагога и писателя М. Б. Чистякова, напечатанную в журнале А. О. Ишимовой «Звёздочка» (*Чистяков. Живость воображения и чувства у неаполитанцев // Звёздочка. 1851. № 1. С. 44–48*). По небольшой статье Чистякова у непосвящённого читателя могло бы сложиться впечатление о неаполитанцах как о народе, который поголовно – от преступников до знати – постоянно читает и слушает стихи Т. Тасо и поёт арии из опер и «любимые песни своего родного края».

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009–2010.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание / Издание подготовил И. А. Виноградов. В 3 т. М., 2011–2013.